

Тайна кротовой норы. Как поймать крота, найти смысл жизни и свое место в природе

Автор:

[Марк Хамер](#)

Тайна кротовой норы. Как поймать крота, найти смысл жизни и свое место в природе

Марк Хамер

С природой наедине. Наблюдения и открытия

Кроты причудливы и загадочны: анатомически несуразные, они живут под землей в одиночестве, со своими необычными привычками. Марк Хамер всю жизнь проработал ловцом кротов и узнал многое не только об этих существах, но и о человечности и поиске смысла жизни. Перед вами медитативная книга о круговороте природы, одиночестве, смерти и смирении с ней. Прекрасный слог, уникальный взгляд автора на мир и выразительные иллюстрации Джо МакЛарена создадут особенный опыт чтения.

Марк Хамер

Тайна кротовой норы: как поймать крота, найти смысл жизни и свое место в природе

ПОСВЯЩАЕТСЯ

КЕЙТ

(ПЕГГИ)

КОТОРОЙ Я ОБЯЗАН ВСЕМ

Здесь в лесу есть человек, который портит все наши молодые деревья... и развешивает оды на боярышнике и элегии на терновнике.

«Как вам это понравится»,

Акт III, сцена 2

Люблю ее небесный взор,
Непринужденный разговор,
Но всех чудес и всех затей
Сердечко Пегги мне милей.

Роберт Бернс

В воскресенье я пойду ловить кротов,
А затем повешу их гладкие мягкие тела
На терновники.

Чтобы фермеры увидели мою работу,

А вороны могли вдоволь наесться.

How to Catch a Mole

Copyright © 2019 by Marc Hamer

All rights reserved

© Платонова Т.Л., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Я садовник. На протяжении многих лет я ловил кротов в садах и на фермах. И я решил, что больше не буду этим заниматься.

Ловля кротов – это традиционный навык, который обеспечил мне безбедную жизнь. Но сейчас я стар и устал охотиться, ставить ловушки и убивать. Однако эта работа научила меня тому, что я должен был знать.

Чтобы сохранить источник доходов, ловцы кротов всегда держали свои знания в секрете. Но я не хочу, чтобы наша традиция исчезла. И поэтому в своей книге я расскажу вам о поведении кротов и о том, как их ловить, на тот случай, если вы вдруг захотите этим заняться. И еще немного о том, что можно делать вместо всего этого. С традицией ловли кротов тесно связана и история самого крота, а также история моей собственной жизни в качестве ловца: каким был долгий путь, приведший меня к этому занятию, как оно повлияло на меня, и почему в конечном итоге я решил остановиться.

Я почувствовал некий внутренний конфликт, когда мне нужно было остановиться. В душе я люблю ту жизнь, которая была мне дана. Ту жизнь, которая возбуждает страсть к природе, к ее действенной красоте и грубой животной энергии – даже к ее увяданию. Именно созерцательная жизнь повлияла на мое видение мира в целом и понимание того, как в нем жить. Она

изменила мое отношение к самому себе, к моей личной жизни и к моей семье. А потому здесь также будут представлены фрагменты моей жизни и некоторые моменты, приведшие меня к тому, чтобы стать ловцом кротов.

Рассказ любого человека о чем бы то ни было всегда будет непохожим на другие. То же самое относится к моей собственной жизни.

Когда мне исполнилось шестнадцать, я покинул дом и начал путешествовать пешком. Я путешествовал примерно полтора года и жил дикой жизнью подобно животным и птицам, ночуя под кустами, в лесу и на берегах рек. Я постараюсь быть максимально правдивым в рассказе и об этой стороне моей жизни, но не все факты будут точны. Есть очень много того, чего я просто не могу вспомнить. Иногда две истории о кроте и обо мне кажутся неразрывно связанными. Я слышу некие отголоски и обрывки воспоминаний. Но «танец» двух этих расплывчатых повестей стал для меня тем образом жизни, который я нахожу простым и красивым и который дал мне все, чего я только мог желать.

* * *

Я задаюсь вопросом, что есть истина, пытаюсь нащупать и ухватить ее. Воспоминания редко приходят в хронологическом порядке. Память блуждает в темноте, и как бы я ни пытался напрячься и вспомнить что-то, обрывки прошлого словно растворяются у меня перед глазами и принимают иное направление. Как только я начинаю чуть более вдумчиво изучать какую-то историю, она как будто распадается на части, восстанавливается, а потом снова меняется, напоминая калейдоскоп: цвета те же самые, а узоры каждый раз немного другие. Детали постоянно меняются, но сама картинка остается прежней, какой и была.

Все те факты, которые я легко воспроизвожу в памяти, это либо самые приятные, либо самые грустные моменты. И помню я их только потому, что они несут определенный эмоциональный заряд или имеют связь с чем-то увиденным или возникшим в памяти. Они похожи на жемчужное ожерелье: потускневший жемчуг, который убрали в ящик и редко достают. Когда я извлекаю их на свет Божий и гляжу на них, части жемчужин не хватает. И сама жизнь выглядит временами как обычная нитка без жемчуга – а потом появляется несколько

жемчужин, переплетенных друг с другом и беспорядочно нанизанных.

В них сложно разобраться, но я попытаюсь распутать нитки.

Зачастую я не сильно заморачиваюсь с языком, а просто наблюдаю и наслаждаюсь процессом. А бывает так, что слова тихо подползают ко мне на лапках насекомых. Какие-то из них начинают строить гнездо, развивая тему – веточка здесь, почка там, – и тогда я не мешаю им. Мне нравится писать кусочками, крошечными кусочками, которые пролетают мимо, как листья, хрупкие и рассеянные по ветру. Они бы разлетелись, не ухвати я их прямо в воздухе. Это фрагменты самой обычной жизни, которую я наблюдаю и память о которой могу хранить во всей ее целостности. Как отдельные воспоминания или кусочки глиняной посуды, которые я нахожу в кротовых норах. Вот они – те, что проплывают рядом, летят прямо в руки или выются вокруг – простые и в то же время зачастую диковинные факты, повествующие о том, как поймать крота. Эти осколки – иногда острые, иногда гладкие – написаны по большей части тогда, когда я брел по полю с ловушками в сумке.

* * *

Рассказать полную историю жизни крота тоже невозможно. Спрятанная в темноте, его история соткана из мифов и горстки наблюдений, передававшихся от одного человека другому, с добавлением индивидуальных оценок и мнений. Кроты, как и мы, глубоко мистические существа, и хорошо, если нам удастся ухватить хоть частичку их правды.

Для меня гораздо большее значение имеет то, как мне представляются какие-то вещи, чем то, каковыми они являются на самом деле. Каковы они в действительности – это из области неизвестного. Мне не нравится такая тюрьма из непровержимых, холодных фактов.

Факты не дают вам свободы, они толкают вас к четкому, раз и навсегда зафиксированному восприятию реальности.

Истина здесь, здесь и здесь за три секунды до того, как это станет воссозданием реальности. А я хочу забыть. Забывать означает свободу и прощение. Но более всего это процесс погружения в то, что происходит прямо сейчас.

Я бы мог изложить данную историю, представив себя в качестве злодея или героя, случайного свидетеля или агента-provokatora. И каждый раз это будет некая форма «правды». А какова цена той правды, у которой множество разных форм?

Есть разница между правдой и честностью. И я хочу рассказать вам одну из миллиона честных историй, которые вполне можно назвать «правдой». Одну из тех историй, которая привела меня к тому, что в один из декабрьских дней я стоял на коленях в грязи на поле, держа в руке мертвого крота, и в тот момент понял, что пора прекратить убийства.

Как поймать крота. Жизнь ловца кротов. Написано в сезон ловли кротов, вместо того чтобы ловить кротов. Единственное, что я могу сказать вам со всей уверенностью, это то, что к концу чтения данной книги вы будете знать о кротах гораздо больше.

рассвет

Рассвет

Пока я сижу за кухонным столом и пишу, по моей ноге ползет божья коровка.

Поработав, я ненароком приношу с улицы множество разной живности. Жуки и пауки. Случайно попавший мне под воротник кузнечик, муравьи в складках рабочих штанов или в ботинках...

Божья коровка на моем колене пытается расправить крылышки. Красные надкрылья раскрываются, и появляются черные, как у мухи, крылья. Но правое крыло сломано, отклонилось назад и не раскрывается. Она пробует три, четыре раза, медленно разворачивая крылья, а потом пытается раскрыть их снова. Она хочет улететь. Возможно, это я повредил ее крыло, не знаю.

Очень легко случайно поранить бессловесное хрупкое существо, сломать или повредить ему что-то, даже не заметив этого.

Вчера я убирал упавшие листья, а дрозд, прыгающий позади меня, ел появлявшихся на поверхности жуков и червяков. Я извлекал их наружу, и их съедали. Дрозд наедался. Все живые существа получают увечья, шрамы. Шрамы заживают, но время от времени болят.

Любое наше самое маленькое действие на этой планете имеет последствия. Каждый вечер, приходя домой, я вычищаю из-под ногтей целые запутанные истории рождения, спаривания, смерти и разложения и пытаюсь все это смыть.

Проще об этом не думать.

* * *

Каждый день я работаю с землей, ухаживая за саженцами и выпалывая сорняки. Это постоянная игра с хаосом, легкое его преобразование с целью сделать окружающее пространство чуть более ярким: посадка красных или белых цветов; использование хаоса по максимуму, когда нам кажется, что это красиво,

и разрушение этого хаоса, когда все выглядит неаккуратно. Уничтожение кротов и вызванного ими явного хаоса – одна из тех сезонных работ, которые происходят ежегодно определенным предсказуемым образом.

Существуют взаимосвязанные ритмические циклы, отстукивающие свой ход: еженедельное скашивание травы, ежегодная обрезка роз; обрезка глицинии три раза в год; ежегодная обрезка кустов лавра в августе; сбор яблок осенью, когда они говорят мне, что уже созрели.

Ожидание заморозков, когда я начну обрезать фруктовые деревья; выкапывание и хранение георгинов после двух заморозков, а потом высаживание их после того, как миновала опасность заморозков. Изготовление компоста, планировка цветочных клумб, выбор растений и покупка семян зимой. Посадка растений, прополка и очистка участка, уход за однолетними, двулетними и многолетними растениями, а также установка ловушек для кротов зимой и ранней весной.

Год размечен на четверти в точках солнцестояния и равноденствия. И эти точки размечают год для любого, кто связан с природой. Они – начальные точки времен года. Ритмы, длинные циклы и короткие, их переплетение, рожденное постоянно меняющейся погодой, продолжительностью светового дня и температурой воздуха. Каждая такая точка – это конец одного цикла и начало следующего. Каждую осень я вычищаю граблями красные листья из-под одного и того же клена и складываю их в одну и ту же компостную кучу. Если не считать того, что это, конечно же, не одни и те же в точности листья, дерево или компостная куча, что были в прошлом году.

Кроты, которых я ловлю в тех же подземных ходах, – это не те же самые кроты, что я ловил в прошлом году. Эти накладывающиеся друг на друга и переплетающиеся циклы не могут не заставить меня задуматься о событиях того или иного дня. Все, что мне остается делать, это размышлять. Моя жена Пегги часто уходит из дома по работе, мои дети выросли и живут своей независимой жизнью в своих собственных домах. А я регулярно провожу целые дни абсолютно один – иногда два, три, четыре дня подряд, – когда у меня нет возможности высказать свои мысли вслух.

Но у меня есть кошка.

* * *

Сегодня утром я замерз как собака. Сейчас все еще темно. Возможно, я слишком стар для таких ранних подъемов, но сон перестал быть моей любовью. Я потерял ее навсегда. Она отказывает таким старым людям, как я. Это происходит потому, что вредные химические вещества в окружающей среде кальцинировали мою шишковидную железу. Я прочитал об этом в Интернете.

Вот так это происходит, объясняют они. Ртуть, кальций, фтор. Говорят, что нужно есть больше химических препаратов, чтобы нейтрализовать их. А еще советуют потреблять в пищу больше куркумы.

Мои неполные мечты врываются в мою полусонную жизнь, я теряюсь в лабиринте подземных ходов, одинокий и загнанный, лежа там холодный, как лягушка. У меня забит нос (из-за аллергии на какие-то вещи в доме). И я долго смотрю, как сумерки рассеиваются, и кажется, что из черноты уже проступают микроскопические точки серых облаков, пока еще неразличимых до рассвета, когда взойдет солнце. Мои мышцы болят, они расслаблены: вчера я работал весь день, а прошлой ночью выпил виски. Я раздумываю над тем, чтобы скинуть одеяло. Но задерживаюсь в этой приятной теплоте еще на мгновение, всего на одно крошечное мгновение, а затем выталкиваю себя из кровати. Зрение медленно переключается с черно-белой на цветовую гамму. Мне кажется, я даже вижу этот процесс.

Во всем мире все вокруг бесцветное, пока солнце не встанет.

Проблеск розового в сером небе, и вот я уже начинаю думать о кофе, и эта мысль побуждает меня выбраться из постели. Пока в кружку с шипением льется кофе, я беру на руки кошку, которая мяукает, чтобы привлечь мое внимание, и мы согреваем друг друга. А я ищу ту радиостанцию, где не будет ни ужасных новостей, ни излишне бодрой музыки.

За всю мою жизнь у меня было много кошек. За те тридцать с лишним лет, что мы прожили с Пегги, у нас постоянно жили кошки. Когда мы поженились, сразу взяли в дом животное. Эта кошка – Мими, пухлая и чувствительная, свернулась у меня на коленях, пока я чешу ее.

Мой кофе почти готов, я испытываю легкое недомогание, возможно, у меня аллергия и на кофе. На Радио 4 Экстра идет комедия о проблемах семьи, которая никогда не знала, что такое страх или голод.

Уже почти полностью рассвело. Темное время суток сейчас длится дольше светового дня – холодно, декабрь. Легкий ветерок шуршит сухими листьями. Я бы мог зажечь камин и остаться дома вместе с Пегги и кошкой и наслаждаться отдыхом. Но меня, как всегда, тянет на воздух. Я не домосед, и нужно кое-что сделать: одни ловушки поставить, другие – проверить.

* * *

4 утра.

Я проснулся в темной холодной комнате

И не мог отдышаться после плохого сна,

В котором я не мог дышать.

Потоком разных мыслей —

Расстоянием между нами,

Чувством потерянности,

Тягой к полетам —

Забитую мою голову,

Словно забитую песком раковину,

Выбросило на белую подушку.

Волны моего дыхания шумно притекали и утекали,

Преодолевая закрытые чертоги моего разума.

Утопаю.

Через 2 часа включится отопление.

Через 4 часа взойдет солнце.

Через 5 часов проснется Пегги.

Я вглядываюсь в редкий зимний лес,

Где закопанные вещи останутся тайными,

Пока земля не переполнится,

Пока не возвысятся здания,

И я чувствую, что я утопаю.

С щелчками и с шумом

Включается отопление.

Два темных часа уже пролетели,

А я все смотрел на звезды

Холодные, далекие – они всегда здесь.

Или это приснилось мне?

Я уже и не знаю.

За чистой звездной ночью

Наступает нежеланный рассвет.

Он крадется через весь Руквуд.

И среди уже голого леса

Под каждой покрытой инеем крышей

Просыпаются люди,

Затем чистят машины.

Грачи садятся на ветки

В ожидании лучей солнца,

А мне все так же сложно дышать.

Пегги шевельнулась.

Ее голова, такая теплая и тяжелая,

Закатывается на мое плечо,

Пока люди чистят машины,

А вороны толпятся словно горсти пепла.

Жуки выползают на улицы.

Вороны начинают каркать.

Незамерзшая река рядом с нашим домом

Как текла вчера, так течет и сегодня,

А утреннее дыхание Пегги,

Ровное и глубокое,

Удерживает меня в кровати

На подушке и под одеялом.

Поток, я думаю о потоке.

И пытаюсь не утонуть.

Свет редко пробивается через шторы.

И Пегги открывает свои слипшиеся глаза.

А холодная от ночной погони за мокрицей

Между покрытой снегом травы,

Моя кошка лоснится своим заледеневшим мехом

Прямо к моим босым ногам.

Косьба на лугу

Ловцы кротов выпускают рекламные флаеры и делают веб-сайты.

Они говорят, что кроты на взлетно-посадочных полосах могут создать серьезные проблемы для взлетающих и приземляющихся самолетов. Что земля над ходами, которые они выкапывают, может обрушиться под тяжестью веса скачущей лошади, а наездники могут вылететь из седла. Лошади на ипподроме могут сломать ногу, споткнувшись о рухнувший кротовый ход, и их придется пристрелить. Маленькая группа кротов способна покрыть обширную площадь пахотной земли своими норами, которые быстро зарастают сорняками, в результате чего посевные площади и урожаи сокращаются. Земля становится непригодной для пастбищ, и фермеры терпят убытки. Кроты строят еще больше нор, уничтожая еще больше посевных и пастбищных участков.

Случалось, что кроты губили косилки в фермерских хозяйствах, использовавшиеся для сбора зерновых. Земля из кротовых нор, смешанная с зерном, приводит к порче техники. Когда такая земля случайно попадает в корм животным в виде силоса, это приводит к возникновению у крупного рогатого скота листериоза, когда бактерии листерии попадают в молоко, что делает его непригодным для употребления.

Поэтому фермеры в нашей стране всегда тратили заработанное на то, чтобы нанять специалистов по ловле кротов. На протяжении сотен лет такой подход был финансово обоснованным. Но со временем все меняется, и сейчас фермерам советуют поднимать режущий аппарат косилки, чтобы избежать большинства этих проблем. Современная сельскохозяйственная техника сконструирована с подобным расчетом, и она хорошо работает.

Большинство садоводов вынуждены мириться с постоянной плохой погодой, когда дождь может литься неделями напролет. Такие животные, как крысы, обычно всеми нелюбимы, и их ловят, травят и отстреливают. Мыши чаще забавляют, ежей любят. Пчелиные и осиные гнезда, колонизирующие садовый сарай, как правило, удручают. Но похоже, никакие другие захватнические действия не воспринимаются столь лично, как действия кротов.

Даже самые разумные люди теряют сон из-за того хаоса, что создают кроты.

Обычно нам не нравится терять контроль над своей собственностью: мы чувствуем себя некомфортно, неуверенно, ощущая свою слабость. Кроты способны уничтожить домашние лужайки, и я наблюдал откровенную ненависть, возникавшую у людей, когда они теряли контроль над своими участками.

Я видел, как люди в гневе чертыхаются и сыпят проклятьями. Подобная одержимость растет, и на эту бесконечную, бессмысленную войну можно потратить всю свою жизнь.

Кроты – это крошечные умные существа, и их, как и всех остальных представителей живой природы, не волнует, что мы чувствуем. Они действуют разрушительно и всегда выигрывают.

Возможно, частично наш гнев проистекает из-за того, что нам нравится думать о них как о ласковых и добрых существах, со своей собственной индивидуальностью, как у мистера Крота в повести «Ветер в ивах», доброжелательного, наивного и готового услужить персонажа, носящего большие очки. Однако в реальности кроты далеко не столь замкнуты и непритязательны, как нам хотелось бы думать. Они используют нас. Возможно, иногда мы приходим к выводу, что кроты умнее нас. А быть может, мы просто особенно дорожим и гордимся теми вещами, которыми владеем. Обладание вещами, которые выглядят долговечными, дает нам ощущение долговечности, неизменности. Мы чувствуем себя бессмертными благодаря тому, чем мы владеем. А крот, который появляется и портит эти вещи, уничтожая их, застрегивает наши глубинные чувства.

* * *

Способность рыть длинные подземные ходы совершенно не соответствует физическим размерам кротов. Когда я показываю клиенту мертвого крота, многие городские садоводы удивляются тому, насколько они малы. В нашем воображении досаждающий крот может вырасти до гигантских размеров. Но обычно клиенты не хотят видеть мертвого врага, а только лужайку, яркую, солнечную лужайку и аккуратную, ровно подстриженную травку. Чтобы все было под контролем, надежно и вечно.

Крот нарушает искусственную безмятежность лужайки совершенно неприемлемым для некоторых людей образом. Садоводство – это не природа: оно использует законы природы и науки, чтобы установить нужный нам порядок. А у некоторых людей такая потребность все контролировать доходит до крайностей.

Однажды у меня был клиент, владелец аккуратного городского сада. Его изводила навязчивая мысль о том, что ветки шикарной магнолии несимметричны: с одной стороны их было больше, чем с другой. Ни одно живое существо никогда не бывает идеально симметричным, и именно в несовершенстве таится красота. Но этот человек пересчитал все ветки и отрезал часть их, чтобы добиться баланса. У него не было представления о том, чего он хочет, он понимал только то, чего он не хочет.

Я устанавливал у них ловушки для кротов, когда его бедная жена вернулась и увидела, как он весь в опилках, с новой электрической циркулярной пилой стоит рядом с уже практически обрубок магнолии. Обрубок был слегка наклонен вправо.

В одном из садов, в которых я работаю, есть обширная цветочная поляна, и каждый год я скашиваю на ней траву косой. Я пользуюсь косой, потому что она бесшумна и не загрязняет окружающую среду, но в первую очередь потому, что в этом случае у разной мелкой живности есть шанс убежать.

Кусторезы и косилки действуют на природу губительно: они убивают все на своем пути.

Лягушек, жаб и ежей они разрубает, превращая их плоть в месиво. Я делал это однажды, и меня заляпало кровью. Глубоко расстроенный этим бессмысленным убийством, я принялся искать альтернативные способы скашивания лужаек и обнаружил, что можно либо вложить тысячи фунтов в другую машинку, либо приобрести косу и научиться ею пользоваться. Я предпочел косу.

Камни в кротовых норах на лугу откалывают кусочки лезвия с моей косы, такой же острой в начале каждого сезона, как моя бритва в ванной. Но я отношусь к этому спокойно. После каждого нескольких взмахов я останавливаюсь и снова точу стальное лезвие о точильный брусок. В конце сезона я отбиваю сколотый край с помощью слесарного молотка и наковальни, чтобы сделать новый край толщиной с лезвие бритвы.

Косьба – физически затратная работа, требующая многочисленных пауз для отдыха, особенно с возрастом. А потому мне бывает приятно остановиться и приложить точильный камень к лезвию: когда камень ударяет о сталь, раздается милый звонкий звук, а потом такое «щих», пока он скользит по краю лезвия от основания к кончику. Обычно я провожу им три раза, чередуя стороны лезвия. А затем камень плюхается обратно в наполненную водой жестяную

банку, висящую у меня на поясе, а я продолжаю косить или какое-то мгновение смотрю на птиц, переводя дыхание. Звук косы тоже приятный: долгое «свищ» с каждым взмахом. С косой вырабатываешь хороший ритм: размашистое движение от пояса, косишь справа налево, руки расслаблены и вытянуты.

Медленно продвигаясь вперед, шаг за шагом, срезаешь полосу до восьми футов шириной и оставляешь слева аккуратный рядок скошенной травы, а с лезвия падают на землю стебли травы. Свищ, шаг, свищ, шаг, свищ. Мне даже не приходится прилагать усилий, чтобы координировать движения с ритмом дыхания. Вдох вместе с замахом и шагом вперед, выдох – и я скашиваю траву. Длинным и медленным движением. Обычно у меня уходило два полных летних дня, чтобы выкосить весь луг. Теперь, когда я постарел, на это уходит больше трех дней. В следующем году я, возможно, вообще не смогу косить.

Я часто вижу, как впереди меня бегут, уворачиваются, прыгают в высокую траву, пытаюсь спастись, маленькие существа. Коса не издает надсадного визга мотора и не выпускает дыма, и я могу слышать, как шебуршат в траве ежи, и аккуратно убрать их с дороги. Жабы и лягушки прыгают и ползут прямо передо мной, и тогда я замедляюсь. Или вдруг полдюжины лесных мышей стремительно пробегут мимо и нырнут в свои норки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/hamer_mark/tayna-krotovoy-nory-kak-poymat-krota-nayti-smysl-zhizni-i-svoe-mesto-v-prirode

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)